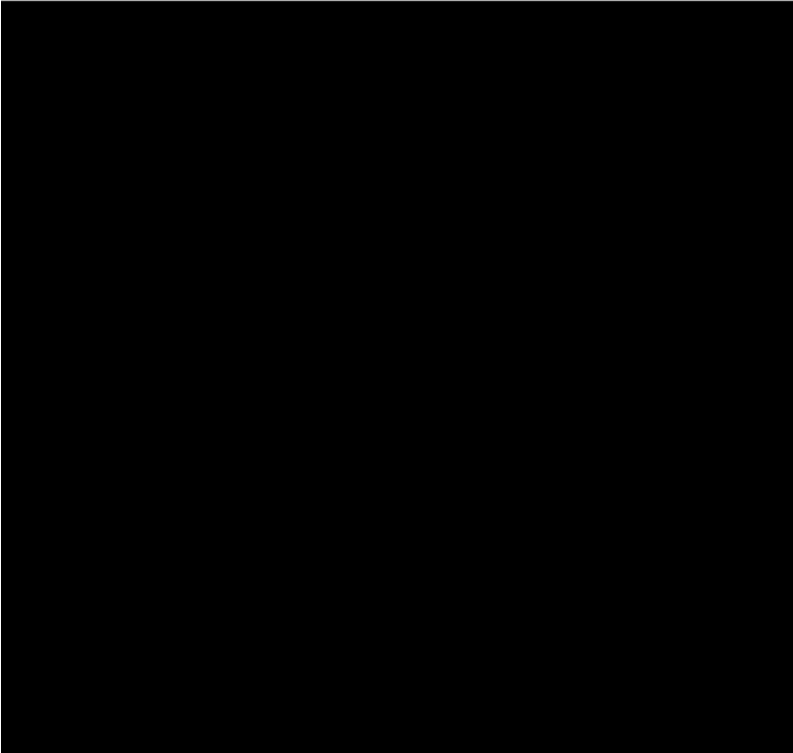

АЛЕКСАНДР ГОРНОСТАЕВ

Простите за жаргон

Александр Горностаев

Простите за жаргон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67954251

ISBN 9785005684882

Аннотация

Проблемы художественного и, в частности, поэтического творчества всегда волновали и тех, кто сам посвящал себя таинству литературного слога, и тех, кто стремился разгадать, как незримые образы превращаются в трогающие душу читателей словосочетания, то есть поверить гармонию алгеброй.

Содержание

О КНИГЕ « простите ЗА ЖАРГОН»	5
ПРОФЕССОР, ПРОСТИТЕ ЗА ЖАРГОН, ВЫ ДУРАК	8
Введения в начало синтеза и анализа раскритикованного текста	9
Глава 1.О суде Божьем	18
Глава 2.О мере выпитого	20
Глава 3. О торности дороги	29
Глава 4. О правилах и законах	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Простите за жаргон

Александр Горностаев

Редактор Александр Георгиевич Свешников

© Александр Горностаев, 2022

ISBN 978-5-0056-8488-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О КНИГЕ « простите ЗА ЖАРГОН» (Предисловие)

Проблемы художественного и, в частности, поэтического творчества всегда волновали и тех, кто сам посвящал себя таинству литературного слога, и тех, кто стремился разгадать, как незримые образы превращаются в трогающие душу читателей словосочетания, то есть поверить гармонию алгеброй.

В новой книге известного саратовского поэта Александра Горностаева автор берет на себя смелость поднять несколько важных, как он считает, тем, связанных с социальным бытием поэтического творчества – будь то критические оценки, которым подвергают специалисты-филологи авторские вирши («... тогда узнал я (познакомился), в молодость свою, неизмеримо просвещённых, как стаю воронов до падали, до логики охочих»); непростое и подчас неуютное место автора в общественной иерархии окружающей его действительности («невидимое, незримое и, может быть, вечное противостояние власти и людей творчества»).

Александр Горностаев не просто декларирует заявленные

им вечные проблемы поэтического творчества, с которыми сталкивались и сталкиваются поэты всех времен и народов, но и делится своим их видением, исходя из собственной практики и приводя в пример других авторов. При этом он последовательно отстаивает своё право художника слова на приоритет личностного отношения как к природе творчества, так и к его осмыслению с позиции заинтересованного и взыскующего критика и, шире, читателя.

Так, вступая в спор с воображаемым «оценщиком» его творчества, Александр Горностаев отмечает: «... В стихотворениях на первое место выходит образное представление обо всём на свете. Как судить только с помощью понятий, иногда не имеющих однозначного определения, об образе художественном?»

Поднимая извечную проблему «поэт и общество» («невидимое, незримое и, может быть, вечное противостояние власти и людей творчества»), Александр Горностаев приходит к выводу, что «... это, думается, природное свойство таланта. Его внутренняя суть: противиться несправедливостям, неправдам, тирании. Оттого и выглядит он порой изгоем среди людей»).

В качестве примера автор книги приводит песни Егора Летова, которые, по его мнению, «производят настоящее

впечатление». И хотя Александр Горностаев ставит под сомнение художественную составляющую рок-поэзии Летова, социальная направленность его творчества, по его мнению, открывает в его творчестве «свой шарм, свой мир – особенно в сочетании с музыкой. И отмахнуться от неё, как от сора своего времени, думается, было бы не от большого ума...»

Другое дело – поэзия Николая Рубцова, которая, считает Александр Горностаев, «как своеобразный код, открывает в душах, воспринимающих какие-то скрытые, дремлющие до определенного времени знания и понимания, доставшиеся нам от предков».

Квинтэссенцией размышлений автора книги о сути поэтического творчества и природе его воздействия на читателя можно считать его мысль: «Настоящий писатель исследует душу, её проявление в тех или иных жизненных событиях, ситуациях. И чем глубже он заглядывает в этот омут непостижимого, неоднозначного, тем значительнее писатель...»

Александр Свешников

«Писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» (А. С. Пушкин)

ПРОФЕССОР, ПРОСТИТЕ ЗА ЖАРГОН, ВЫ ДУРАК (ироничный антиразбор разбора стихотворения)

Как анализировать стихотворения и какие рекомендации давать начинающим да и кое-что умеющим в поэзии? Иногда некоторый анализ текста выглядит каким-то самодурством, бредом сумасшедшего, хотя и претендующим на истину. И если бы это было единичным случаем...

Конечно, выработать некое правило критики было бы хорошо. Но как?

Введения в начало синтеза и анализа раскритикованного текста

Давно я не балакал о литературе высоким штилем творческих разборов. Не доходили руки, что ли. И прецедента не было, и смысл отсутствовал, ведь царство нерушимое моих неоднозначных текстов разворошить никто из беспардонных не пытался. Но я дождался истинных разборов сложений, претендующих на значимость и похвалу. И отстраненно наблюдать за действием критика не позволяет мне инстинкта защитительное свойство... Молчать, как понимается, теперь мне не резон.

Реплика в сторону. О чём же речь? Я выставил на стихи.ру стихотворение и получил однажды комментарий. Кто этот человек, решивший разобрать мой труд? Сказать о ней (а женщиною она, судя по имени и фамилии, является) могу я мало. Лишь по её стихам и собственным хвалебным заявлениям судить берусь о ней. И так и делаю я, на её насколько отвечая. Не буду выдавать её и называть представленным ею именем, быть может, этой вот, открытой всем, полемики она б не захотела. Да и для моих размышлений её анализ только повод поговорить – о чем-то значимом для меня,

и не её конкретно в чём-либо разоблачить стремлюсь. И если б не было её разбора, подобное мне нужно было б самому придумать. Чтоб прояснить для самого себя какие-то моменты творчества и в чем-то убедиться, за мыслями своими следуя.

Дождался я таких нормальных поношений и нанесения чувствительному эго существенных обид, что не смогу дышать размеренно и равнодушно. А что хотел я, вызывающий стихами, своею дерзостью у множества бездарных неприязнь? Кричащий о своем таланте, я достоин истинно проклятий и плевков. Говаривали ж мудрые: «Не хвались. Не раздражай врагов, будет плохо – людям радость, будет хорошо – вызовет зависть» (Старец Николай Гурьянов). Не знаю, радоваться мне иль огорчаться... Но говорю себе вначале всех дальнейших изъяснений: что, фраер, получил заслуженно за все свои творения дерзкий эпатаж? Иль думал, что пройдешь, наглеющий, без осуждения мимо бдительных особ, блюдущих нормы и устои? Не-е-е. Не получится... Но, может, это хорошо (по просьбе получить «заслуженное») для нашего нетворческого времени, где важно в тренде быть и нормам соответствовать, в темы уместаться, быть на слуху и попадать в молвы неугомонный трёп? А фактор продвижения, о котором говорят как о необходимости для каждого писателя? И, следовательно, любая критика способствует здесь в полной мере узнаванию тебя как автора. Пусть отри-

цательный её отрезок отзывов, плевательная в сторону твоих творений волна до неба...

Вначале показалось весело читать галиматью (**Ремарка**. Вот, кстати, что такое есть галиматья? Казалось бы, совсем уж слово русское, но утверждает Википедия, что корни у него из мест французских, и по значению, одному из многих, оно на русский переводится как петушиные учения: так называли диспуты по поводу приобретения научных званий отличившихся студентов) о собственных писаниях. Ну а потом как будто загрустилось: и чо это такое про меня тут «вылепляют». А ведь по всем канонам, лучшим правилам уничтожения, горбатого лепили, и похоже, что – умели и могли.

Мой оппонент, иль правильнее – оппонентша, владела явно навыками истинных разборов, и так логичностью банальной эрудиции блистала, как будто рожи корчила пред зеркалом. (И ...здесь я выхожу опять на отступление, не по законам жанра, а собственной капризе для). (Аааа, воскликнет оппонент: так у него «каприз» с «кобылой» рода одного. Позор!!! Не знает русского азов... Что ж, я терплю и... умиляюсь).

Реплика в сторону. И всё-таки признаюсь, сказать по правде, без надменного кривляния: ведь это хорошо, что кто-то делает попытку провести анализ и разобрать стихотворения.

Всё лучше, чем бездушное молчание. Но что меня так завело? Здесь дело в некоем уровне (в том числе в методе, в системе и т. д.) разбора, в его основах, в отправных точках, в суждениях и, в конечном счёте, в правильности выводов, в которых столько безапелляционных заявлений... Мне видится такой неверный, необоснованный, односторонний взгляд, который очень раздражал ещё в период дружного шагания в ногу писателей советского периода. Когда другой подход к литературе, кроме официального, был не допустим. Вот из-за этого, из-за того, что люди мнят себя непогрешимыми, но не умеющими дальше собственного носа посмотреть, представить точку зрения другую, приходится мне объяснять и объясняться... И начинаю я свой многогранный опус....

Давно когда-то, так что, кажется, всё было в прошлой жизни, я начинал осваивать азы стихосложения. Да, было время... Много лет я прожил. И вот тогда узнал я (познакомился), в молодость свою, неимоверно просвещённых, как стаю воронов до падали, до логики охочих. Они сидели (помню) тучей за столами и, зная всё и обо всём на свете, тихонько творчество моё уничтожали. Я столько грязи про мои неопытные вирши уже не слышал больше никогда... Переживал я и бросал писать, и вновь садился, над стихами мучась. Но думал я: а нужно ли оправдывать стихи или отстаивать?

вать их многоликое значение?

Не проще ли исправить и подогнать под общеупотребительное чтение... Но ведь я правил не всегда неправильный свой слог и сам себя корежил – из-за понимания: в чем-то критика права. Но исчезал с исправленьем вместе из моих стихов неповторимый облик личности, багаж моих приобретений жизни, и достояния судьбы, и что-то то, что истинно делает стихи поэзией...

Реплика. Вообще, я удивляюсь людской жажде кого-нибудь поучить, вот не просят их, а они знай —учат. Настойчиво так, назойливо. Мёдом не корми, дай только кого-нибудь наставить на путь истинный. Но, послушай, нет у тебя на это ни права, ни умения, ни, прости за грубость, достаточного знания. Не владеешь ты «глобальными» понятиями в этой области, не имеешь каких-то высших рассуждений о сути, о смысле. Поэтому выглядят наставления, как урок учителя для младших классов... Хочется спросить: не задумывался о малом разумении своем, начав кого-то поучать? Но почему сидит в человеке эта жажда. Мысль о том, что тебе дано такое знание, чего не имеют другие. Но с какой это стати. Сам-то не банальщину ли ты несешь, пытаясь всех поучать?

И таких учителей масса на интернетовском пространстве. И чему они могут научить. Только запутывают сознание, ста-

рающееся постичь премудрость истин... Вот верно говорят: не учитель должен искать учеников, а ученикам необходимо созреть до обращения к учителю. И явно этим учителем (когда созреют) в их глазах не будет тот, кто предлагал свои услуги на каждом, извините, обрисованном углу. Поэтому лучше бы подумать о собственном совершенствовании, начать своё развитие, а не с первых удачливых некоторых попыток в творчестве объявить себя мэтром. Таким образом сам ты останавливаешься в развитии, не достигнув и малого того, что есть хотя бы открытого в мире, не говоря об освоении «новых рубежей»... Ну да ладно...

Здесь, в нашем конкретном случае, я все-таки вижу владение определенными филологическими навыками. Но это только больше убеждает меня в издержках некой такой наукообразной закомплексованности, затверденности некоторых деятелей ученых кругов. Вот уж точно академическая заикленность на правилах и нормах мешает творческому подходу к литературному тексту. И, как правило, ни один профессор от филологии не может написать сколько-нибудь высокохудожественный текст. (О, какую ересь я пишу: чувствую, как готовы наброситься на меня оппоненты!) Помешает ему «зашоренность» установками законов, и выявляется просто неспособность к творчеству. Недаром же бросали люди учиться в литинституте, понимая, что «замыливается» глаз при бесконечном зазубривании правил и норм, стро-

гом следовании им... (Хотя и здесь есть исключения: знания не только не мешают творчеству, но... и помогают. Однако это отдельный разговор).

Но тогда вроде бы: сам не умеющий писать, может кого-нибудь поучить?

Это как в спорте: тренер ведь не обязан бегать быстрее ученика, чтоб наставлять его на высокий результат... Да, вот этим тренерам дают такие методы, которыми только середнячка натренировать и возможно...

Итак, я даже рад, что отыскался некто и начал про стихи мои нелестно отзываться. Да и в самом деле, кого все любят и расхваливают, тот попросту, наверное, бездарен, иль льстят ему зачем-либо в угоду. Моих сторонников, – тех истинных, духовных, в мире, кажется, должно быть мало. И потому не оболещаюсь на хвалу, а настороженно смотрю за человеком, а на хулу порой и хочется ответить, но лучше бы себя не искушать... Писать же нужно по велению сердца. И за свои слова, конечно же, пред Высшим миром отвечать...

Но, кажется, я всё хожу вокруг да около и объясняю что-то далеко от темы...

А где ж обещанное введение в синтез и анализ, заявленное изначально, как собираюсь раскладывать текст на составля-

ющие, с помощью каких инструментариев? – дотошный критик скажет мне. Где это я, согласно заявке, собираюсь анализировать. А потом соединять всякие части, пытаюсь синтезировать что-то не ясное. А вот нигде... наверное, вас я враз... разочаровал... ну... впрочем... как получится. Хотя отсутствие конкретного анализа и синтеза, может быть, и есть особая система, главная метОда. Как удалась она, в дальнейшем прояснится. И начинаю я главу другую...

Ремарка. Поэзия, думается, это особая страна, где типичные во многом надуманные правила прекращают довлеть над текстом, и свободное течение некоего творческого действия становится главенствующим над всеми установками и, порой, здравым смыслом. Здесь можно обратиться к всевозможным модернистским и постмодернистским направлениям и посмотреть, как там у них интерпретируют смысл творчества. Да тут, думается, находится единственное поле деятельности, где нет условностей всех надуманных норм... Почему? Потому что нигде в другой области, кроме поэзии, не требуется такое выражение собственной личности (петь по-свойски, даже как лягушка, – опять-таки: кто написал?). В этом, наверное, главенствующая задача поэзии: выразить себя, свою личность. И в такие тексты требуется осторожность вмешательства.

Потому что исчезнуть может – важнейшая ипостась – ин-

дивидуальность. Если вы не хотите отстоять личность, пре-
небечь индивидуальностью, тогда допускайте чужой дух
в стихи. Или вообще пишите прозой. Там по-другому интер-
претируется индивидуальность...

Глава 1.0 суде Божьем

1) С чего начинает к стихам апеллировать критик? С подobia проклятия автору стихотворенья: «За незнание русского языка, за массу ошибок, за использование жаргонизмов Вы будете гореть в аду» – утверждает сей строгий читатель. Вот так начал он (она) жесткий анализ свой и запугала автора суровым божьим наказанием, отправкой в ад.

На грешного меня сам Бог обрушиться обязан почему-то. Тут в пору за будущее (послежизненное) своё убояться. ... Но вот за что конкретно критик такое горе кликает на голову мою? За то, оказывается, если уж сказать в общем и целом, что написал я прощальную элегию, где объяснил печально, что прекращаю творчества (имитируя иронию) потуги. Заканчиваю путь поэта и ухожу из творческого сообщества. Чего так огорчается тут критик? Да радоваться надо честно ему по логике вещей: такой бездарный (как он считает) бросил мучить публику стихами. И что же даме этой (критику) грамотной неймется! Что за угрозы шлет она какому-то там стихотворцу и обращается (как-то это всё же вытекает из её угроз) к кому за исполнением наказания? К Всевышнему что ли? Да явно не у Бога поддержки просит критик мой, грозя несчастному поэту всяким невезеньем... И в этом утверждаюсь, вспоминая кое-что прочитанное в прошлом.

Реплика в сторону. Читал записки одного попа. Он показался очень эрудированным и не трафаретно, не банально мыслящим. Батюшка этот, почти кощунственно, заявлял, что можно сомневаться: есть ли Бог или нет, но дьявол точно существует, и приводил он доводы неопровержимые... И, кажется, в связи с изложенным, точно: критик мой связался с этой сущностью нечистой, коль угрожает (если вдуматься) расправой и может (судя по всему) к помощи его при случае прибегнуть...

Такое вот приходит в голову, проклятия сии высокоэрудированной читательницы анализируя. Может ли человек знать замыслы Божьи и утверждать, за что наказывает Бог? Только с подачи другой противоположной сущности грозят человеку всяческими несчастьями, вступают в сговор с потусторонней силой, наводят порчу, шлют проклятия... Ну как-то к Божьим замыслам все наши беды относить нельзя...

Да ладно, Бог с ним с этим высшим миром. В делах земных бы нам бы разобраться.

Глава 2. О мере выпитого

И заявляет критикесса (нашёл я все же слово, как мне оппонента называть), что она в языках профессионал и специалист. И ей не нравится, в числе прочих неприятий, что не следуя общепринятым нормам языка, не согласую предложения и (самое страшное) использую жаргонизмы, в частности: есть у меня обращение к старинной мере объёма жидкости – штофу (а перед этим было ещё «взбрэндивший»). «Употребивший водки штоф», – пишет в стихотворении ваш покорный слуга. И навлекает на свой стих от злой читательницы кучу несуразностей, в которых хочется, как в мусорных отбросах, поковыряться: вдруг что-то там хорошее найдется. Штоф – это слишком большая мера, чтобы её употребить, – утверждает критикесса (почему? А кто пытался съесть слона?). И уличает меня в незнании того, о чём пишу...

Штоф – это действительно большая мера (используемая когда-то на Руси), порядка двух бутыль – шесть стаканов по двести граммов.

Да кто столько выпьет? Но нужно ли здесь видеть конкретно выпитое.

Или все-таки, поэтически рассуждая, следуя за авторским отображением ситуации, есть смысл (не тупо логический)

увидеть не конкретно выпитое, всё-таки, мы не учебник математики листаем, где всегда дважды два четыре, а понять, что же стоит за этим преувеличением.

Реплика, не осознавшая меры, длинную в статейку. И все-таки попробуем по указанию специалиста поработать с текстом на глазах достопочтимой публики. Изменим текст стихотворения, ища лучшие варианты. Получим, скажем, такое:

Лишь взбрендивший безумец, сдуру
Сивухи выпивший стакан (бокал – вариант),
Мог возвратиться в мир литературы,
Чтоб вновь поведать о себе в стихах (в строках).
(А можно так: «...выпивший бадью).

.....

Чтоб напечатать о себе статью».

Но здесь, кажется, совсем уж далеко оказываюсь от правды – как фактической, так и художественной. Вспоминается персонаж Ильфа и Петрова, который сочинял: «Гаврила был примерным мужем». Конечно, в данном случае подошло бы: употребивший сразу триста грамм (а блюстититель языка мне скажет, что правильно надо склонять – граммов, хочется просклонять такого по матушке) мог возвратиться в мир литературы, чтоб уничтожить критиканов клан. Но это

другая тема.

Я думаю исподволь, пока описываю ситуацию и выискиваю здесь лучшие варианты, что мой пример «вдохновит» многих поэтов, которые захотят написать о том, сколько они выпили, прежде чем начать сочинять.

Но я всё-таки продолжу «работать над текстом». Ещё вариант:

Первая строка та же.....

«Уговоривший» крепкой браги кружку,
Мог возвратиться в мир литературы,
Чтоб написать о том, что никому не нужно.
(какая-то горькая получается самоирония!)

Попробуем по другому.

.....

Сивушных масел сразу выпив бочку,
Мог возвратиться в мир литературы,
Чтоб в творческой судьбе поставить точку.

А упомянув про «точку», сразу обнаруживаю в голове другую версию:

.....

Для выпивки не выбрав тару,
Мог возвратиться в мир литературы,
Чтобы в судьбе не оставалась запятая.

Да я так графоманить могу до бесконечности. Моя любовь к писанию, к сочинению текстов безгранична.

Продолжу. Сколько ещё посуды осталось не использованной? Вот есть шкалик, стопка, рюмка, кувшин, ведро, ковш, кубок. Придумать стихи с каждой ёмкостью? Попробуйте сами...

Я же зачну ещё одну тему.

Лишь взбрендивший безумец, с дуру
Употребивший крепкой браги жбан,
Мог возвратиться в мир литературы,
Чтоб знать, как бесит с критиком вражда.

Но, кажется, уже достаточно иронии. Само разбираемое стихотворение, всё-таки, с таким трагическим уклоном, по сути, не предполагает и в разборе своём фарса и всяческих рассмеяний (о рассмейтесь, смехачи). Но так вот у меня сейчас выходит. Хотя в истории литературы уже был подобный разбор собственного стихотворения, в котором ощути-ма трагическая подоплека. Маяковский разбирал своё творение «Сергею Есенину» на предмет как делать стихи. Ни в коем случае не сравниваю себя с кем-то... (я неповторим, ха-ха) А вот уж точно: история повторяется сначала как тра-

гедия (рассматриваем только стихотворение и описание темы), а потом как фарс

(это я так скромно про свой опус – и стихотворный и этот текст).

Итак, вот я перебрал много вариантов, но мне, все-таки, нравится первый. Его и оставляю.

Ремарка. Но почему я с некоей долей цинизма пишу о прекращенье творческих исканий. Есть в сути искусства высший замысел и божий промысел, но как-то все не проявимо это в бытовых в реальных жизнесоставляющих раскладах. Смешны потуги авторов, решающихся на творчество отдать судьбы бесчисленные годы. Отношение к искусству как божественному проявлению, как некоему высшему предназначению человека уже воспринимается с долей иронии. Не оттого ли все эти забавы постмодернистов, откровенно смеющихся над апломбом избранничества тех или иных писателей. Что им неймется, что ожидают думающие всерьёз о нужности своих писаний в будущем? Неужто славы после смерти? Кому нужна она, бессмысленная слава, неподкрепленная её земными впечатленьями, ни наслаждением прижизненным. Кому-то, знать, нужна...

Вся эта насмешка над текстом, конечно, сделана для того, чтобы показать всю несуразность неких правильных разбо-

ров.

Можно так анализировать стихотворение? К стихам, где на первый план выходит образ, тонкое соприкосновение слов, в результате которого создается (или может создаваться) новое значение, пусть где-то и зыбкое, но оно должно создаваться, в этом, в какой-то степени, смысл поэзии – искать неожиданную, образную новизну (как, скажем, здесь: «Ведро серебряного ржанья подставишь к мордам – наберешь») (кто это сказанул?). Ну, кто смог набрать в ведро такого абсурда, как ржанье?). Иначе: пишите просто прозой и не лезьте, прости господи меня за абсурдность поучения, в высшие сферы, где творятся значения и новые понятия.

И тут приходишь к заключению, что именно с помощью неких устойчивых понятий и пониманий судят о текстах, а ведь в стихотворениях на первое место выходит образное представление обо всём на свете. Как судить только с помощью понятий, иногда не имеющих однозначного определения, об образе художественном? Должно ли так быть? Или нужен какой-то иной метод...

Но вернемся к нашим баранам, нетрафаретным разборам. Вот стих почти подобного плана про уже упомянутый предмет для наполнения чем-либо. Как можно объяснить с точки зрения банальной эрудиции: «в жбан желудка яйца злости

власть». (Может быть, кто-то тоже не знает, чьи это строки).

Ну, начнем с того, пользуясь методом банальной эрудиции, похож ли жбан на желудок. Представили вы себе желудок, а потом обратились к жбану? Желудок-то все могут себе так или иначе представить, а с предметом быта русских крестьян из прошлого посложнее. Практически никто сей предмет не видел (хотя... а кто видел желудок?).

Сочетание слов жбан желудка – это метафора почти по типу – носик чайника. И тут может начаться непредсказуемый анализ над чайником. Не в меру наделенный воображением индивид может попытаться представить, как некий чайник чихает в этот носик, а потом вдыхает через него воздух. Ведь это же такие простые функции любого носика... А подумав, скажет: ну так не бывает... значит, нет у чайника никакого носика... Смех да и только с такой далеко идущей логикой. Логика, скажут врачи, шизофреника. Конечно, два слова, создающие метафору, только какими-то гранями своих значений соприкасаются друг с другом и создают новое понятие (в данном случае давно известное).

Ну а со штофом выпитой водки ещё проще: это преувеличение про возможность такого употребления, можно написать любую ёмкость... и чем больше она, тем лучше. Некий этот гротеск становится проясненным, если учесть предыдущее предложение, а говоря наукообразно, – взгля-

нуть на контекст, в котором употреблено словосочетание. И нужно увидеть читающему умышленно сниженное, не пафосное звучание первой строки. И это достигается в том числе и с помощью просторечных слов... Ну как ещё можно объяснить обладающим железной логикой гражданам стихи?

Это известное и простое словосочетание как дважды два. И даже вряд ли его можно назвать метафорой, скорее всего, некое... словосочетание. А я вспоминаю ещё одну метафору, претендующую на новизну: «трактор страсти». Вот уж точно метафора! И попробуй к ней подойти, не разложив на части (начнём тот, тот, заявленный в начале, анализ). Не воспринимается на интуитивном уровне эта метафора. Органично не укладывается в определённые понятия в собственном сознании...

Как-то я уже отошёл (в виртуальном смысле) от желаний разбирать чьи-то вирши на предмет правильности написания текстов. Для себя я не извлекаю пользы в разборе чужих работ, а для разбираемого чьего-то авторского труда мой подобный труд просто может быть не нужным, не тем, чего он ожидает, а иногда и просто вредным для развития самого творца стихов. К чему он стремится сам, что считает хорошим, а что плохим, и к чему склоняется его творческая натура (может, и заблуждаясь) – не всегда можно понять. А сбить с толку развивающегося автора иногда легко. Потом он будет

годами вырливать на свой путь.

В. Соколов – известный тихий лирик – говорил, что автор не тогда обретает свой стиль, когда понимает, как надо писать, а именно тогда, когда осознает, как не надо писать. И это осознание – для каждого своё. Свои мерки нужно найти, выражающие твоё я, приносящие поэтические результаты. Поэтому рекомендации сам я стараюсь давать осторожно.

И все-таки для некоего упражнения мозга, для начала разговора
можно попробовать... И вот...

В далекие времена, о которых не все уже «нынешние» люди помнят, написал один автор метафору, прямо скажем заинтриговавшую меня на десятилетия. Писал поэт о любви и выразил свои чувства в такой метафоре как «трактор страсти»...

Глава 3. О торности дороги

Выражает критикесса недовольство таким вольным обращением с моим языком. Не следуя я в тексте строгим нормам и правилам. А в свою защиту я привожу цитату из стихотворения (всё-таки у нас с ней состоялся обмен мнениями) великого и признанного автора, давно закончившего путь земной, написавшего: «Не церемонься с языком и торной не ходи дорогой». А критикесса заявляет: «мало ли кто что сказал»... (А кстати: кто это сказал? Знатоки, попытайтесь отгадать, и получите... ещё один плюс вашей эрудированности). И дальше, по моему разумению, должно бы было последовать от критика: «слушай сюда, что я говорю».

Да, наверное, критик мой не меньше, чем профессор. Всё понимает он и возражение против его метода анализа недопустимо. Я даже позавидовал, сам иногда литературно дебоширя: такой уверенности в собственной непогрешимости. Высоким самомнением мой критик обладает, хотя меня в грехах подобных обвиняет. Ну да, я все пытаюсь играть роль широко известного в узких кругах «эпатажника». Хотя стараюсь использовать свою эгоцентричность лишь как художественный приём. И ни в коем случае ради бессмысленного хвастовства.

Реплика в сторону. Я здесь с улыбкой вспоминаю одну значительную фигуру в русском авангарде. Давид Бурлюк был, кажется, таким неукротимо уверенным и дерзким человеком. Сам, может быть, и не создал великих творений, но одна только благодарность ему Маяковского многого стоит. Ходит байка про Бурлюка, что он, защищая какую-то свою диссертацию, в ходе полемики обозвал некоего профессора дураком. Не ведаю, что произошло между дискутирующими «знатоками», но, зная приверженность Бурлюка к новаторству, есть уверенность, что защищал он какую-нибудь свою новизну. А профессор, думается, вразумлял его, как нужно «делать» по принятым нормам и правилам... Можно представить эту «схватку». И не уверен, что выиграл, доказав свою правоту, Бурлюк... Но где теперь тот профессор? Даже имени его не осталось. А Бурлюку стоит памятник в Тамбовской области... Для меня сей факт говорит только о том: «торной не ходи дорогой». Это главное условие, чем отличается творец текстов от трясущихся над прописными истинами хранителей выдуманых, не всегда незыблемых (а иногда мешающих творчеству) законов. Оттого и столько в них исключений...

Глава 4. О правилах и законах

А вот еще один разбор такого четверостишия:

Я словно вижу их – там вдалеке, напротив,
и каждый кажется по-прежнему живой,
лишь из-за временнОго правила в природе
они нам сообщить не могут ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.